

Валерия Барциц

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

В ТЕРМИНАХ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ,
КОНКУРЕНЦИИ
И СОТРУДНИЧЕСТВА

СТАТУТ
МОСКВА 2024

УДК 34.01
ББК 67.0
Б26

Об авторе:

Валерия Игоревна Барциц — аспирантка кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рецензенты:

Владимир Васильевич Зайцев,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Ольга Анатольевна Кузнецова,
доктор юридических наук, профессор

Барциц, Валерия Игоревна.

Б26 Национальная юрисдикция в терминах привлекательности, конкуренции и сотрудничества / Валерия Барциц. — Москва : Статут, 2024. — 172 с.

ISBN 978-5-8354-2062-9 (в пер.)

Важнейший приоритет в подготовке практикующего юриста — умение разбираться в нормах и правилах, регулирующих юрисдикцию судов. «Юрисдикция» является одним из самых часто употребляемых и при этом не до конца определенных понятий современного права. В отличие от теоретиков права практикующие юристы единодушны в стремлении к ясности данной категории.

В монографии понятие и основные признаки, перспективы развития национальной юрисдикции раскрываются в терминах привлекательности, сотрудничества, конкуренции, идентичности. Категория юрисдикции изучается с позиций частного права применительно к деятельности органов правосудия. Вопросы юрисдикции представлены как процессы: определения и (или) выбора места для судебного (в широком смысле) разрешения возникающих между экономическими субъектами, гражданами вопросов и споров; правового регулирования распространения компетенции судебных органов государств на эти вопросы и споры; разрешения вопросов исполнения решений иностранных судов по гражданско-правовым спорам.

УДК 34.01
ББК 67.0

ISBN 978-5-8354-2062-9

© Барциц В. И., 2024
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2024

ВВЕДЕНИЕ

Предисловие Уильяма Шабаса (*William Schabas*) к монографии Люка Рейдамса (*Luc Reydam*s) «Универсальная юрисдикция: международные и внутригосударственные правовые перспективы» («*Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives*») начинается с напоминания известной фразы Марка Твена (*Mark Twain*) о погоде: «*Everybody talks about the weather, but nobody does anything about it*»¹. Цитата, относительно авторства которой ведутся дискуссии, не имеет однозначного перевода. Среди распространенных вариантов: «Все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает». Сравнение юрисдикции с погодой объясняется как чрезвычайно широким и разнообразным использованием термина «юрисдикция» в правовой науке (в международном праве (публичном и частном) и в различных отраслях национального права), так и пониманием сложности и многосторонности основного и производных от него понятий.

Среди многочисленных черт, объединяющих «погоду» и «юрисдикцию», можно особо выделить следующие: а) они не имеют однозначного определения и толкования; б) формируются под воздействием различных факторов и обстоятельств в течение длительных исторических периодов; в) чрезвычайно сложно поддаются управлению со стороны человека и общества. Эксперты, специализирующиеся на изучении каждого из этих предметов, ссылаются на «высшие силы», «божественную канцелярию» и иные не менее трудно подающиеся выявлению и предсказыванию источники. Объединяет оба явления также стремление человека сделать их (последствия погоды и последствия юрисдикции) предсказуемыми, использовать их возможности для социально-экономического развития и улучшения жизненного комфорта, а если эти усилия не приводят к успеху, то хотя бы снизить возможный ущерб.

Переключается с иронией Марка Твена убеждение Джона Уолша (*John Walsh*): «Возможно, в юридическом языке нет слова, точное значение которого определяется менее авторитетно, чем юрисдикция. Как совершенно справедливо отмечено в примечании к предмету «юрисдикция» в «Американской и английской энциклопедии права», «возможно, в английском праве нет слова, которое бы определялось так часто, как слово

¹ Schabas W. Foreword to “Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives” by Luc Reydamas. New York: Oxford University Press, 2003.

«юрисдикция». С древнейших времен мы находим вопрос о его правильном определении привлекающим внимание юристов»¹.

В настоящем исследовании понятие юрисдикции изучается с позиций частного права применительно к деятельности органов правосудия. Вопросы юрисдикции представлены как процессы:

а) определения и (или) выбора места для судебного (в широком смысле) разрешения возникающих между экономическими субъектами, гражданами вопросов и споров;

б) правового регулирования распространения компетенции судебных органов государств на эти вопросы и споры;

в) разрешения вопросов исполнения решений иностранных судов по гражданско-правовым спорам.

Юрисдикция как деятельность представляет собой последовательность действий, предпринимаемых различными субъектами — всеми теми, кто участвует в процессах разработки и применения законов. Р. Дворкин сравнивает судебную деятельность по толкованию (интерпретации) права с написанием романа несколькими писателями, которые работают последовательно, при этом каждая глава произведения написана другим автором². В результате подобной творческой деятельности, в которой каждый судья добавляет свою главу, руководствуясь той интерпретацией, на которой остановился³, формируется правовая традиция — «коллективный роман-цепочка»⁴.

До начала процессов глобализации, формирования крупных интеграционных межгосударственных объединений, роста международной торговли и экономического сотрудничества государств набор правил и принципов, которыми определялся выбор юрисдикции, был весьма лаконичен. И здесь имеется в виду не какая-либо доисторическая эпоха: речь идет о ситуации конца 1960-х — начала 1970-х гг. Существовавший в то время экономический оборот вполне удовлетворялся регулированием рядом соглашений в рамках международного частного права. Прежде всего имеются в виду нормы, определявшие выбор суда и преодоление возникающих коллизий, предусмотренные Конвенцией Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 29 декабря 1958 г.

¹ *Walsh J.W.* The True Meaning of the Term “Jurisdiction” // *American Law Register*. 1901. Vol. 49(6). P. 346–356.

² *Дворкин Р.* Империя права. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 309–314.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 310.

(Нью-Йоркская конвенция), Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 г. (Вашингтонская конвенция), правилами ЮНСИТРАЛ, а также правилами ограниченного перечня арбитражных учреждений, составленными Арбитражным судом Международной торговой палаты (*ICC*, Париж), Лондонским международным третейским судом (*LCIA*), Арбитражным институтом Торговой палаты Стокгольма (*SCC*).

Формирование Европейского союза (ЕС), его поэтапное расширение привели к резкому усложнению регулирования вопросов выбора юрисдикции, принятию ряда важнейших конвенций и соглашений в рамках ЕС и за его пределами. Поступательное развитие правового регулирования вопросов юрисдикции было осложнено выходом Великобритании из состава ЕС (*Brexit*) в 2016–2020 гг. В это время на востоке европейского континента происходят разрушение Союза ССР, вхождение России в Совет Европы в 1996 г. и выход из него в 2022 г., формирование рядом бывших постсоветских республик нового экономического объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Отмеченные политические процессы привели к необходимости разрешения многих ситуаций и споров в области экономики, прав человека и гражданских состояний. Эти обстоятельства предопределили внимание к вопросам выбора юрисдикции, качества судопроизводства.

Анализ качества национальной юрисдикции состоит в рассмотрении не только позитивного права (законодательства и правового регулирования), но и прежде всего практики правоприменения, функционального определения места судебных институтов среди иных государственных учреждений, формальных и неформальных аспектов взаимодействия судебных институтов с иными органами правоохранительной системы. Очевидно, что эти факторы далеко не всегда регулируются позитивным правом. Реальность функционирования органов, осуществляющих юрисдикцию на практике, определяется как формальным, так и неформальным регулированием, что в свою очередь обусловлено особенностями правовой культуры, традициями разрешения споров и конфликтов в различных обществах. Судебная (юрисдикционная) практика является кумулятивным (обобщающим) представлением правовой системы страны, ее привлекательности как для национального бизнеса, граждан государства, так и для международного бизнеса и иностранцев.

Следует ожидать существенного ослабления позиций ведущих юрисдикций по мере роста влияния и самостоятельности юрисдикций

развивающихся стран. Уже сегодня привлекательность юрисдикций стран, пользующихся правовым авторитетом и экономической мощью, испытывает сильное давление. Например, даже в Великобритании начинают говорить о росте неудовлетворенности иностранных субъектов качеством функционирования английской юрисдикции¹. В условиях *Brexit* эти голоса стали звучать еще громче, что может обуславливать возникновение экономического интереса к поиску альтернативных юрисдикций, пользующихся доверием и обладающих не меньшим юридическим потенциалом, чем английская. В этом контексте дополнительные перспективы возникают у судов стран Европы (Франции, Бельгии, Швейцарии) (прежде всего в силу высокого доверия к судебным системам этих стран и их независимости от других ветвей власти), иных европейских государств. В то же время между ними также возможна конкуренция за «клиентов», заинтересованных в решении своих споров.

«Международное рассмотрение споров — это рынок, как и арбитраж; и было бы желательно иметь возможность свободно адаптироваться к тому, что хотят клиенты», — утверждает Адриан Бриггс² (*Adrian Briggs*), пытаясь найти позитивное начало в процессах *Brexit* для британской юрисдикции. Эта конкуренция наглядно проявилась при рассмотрении Еврокомиссией вопроса о возвращении Великобритании в «рамки Лугано» (имеется в виду Луганская конвенция — Конвенция о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 30 октября 2007 г.).

В конкуренцию юрисдикций (за привлечение финансовых средств, оплату судебных издержек, загруженность юридических компаний и адвокатских бюро и иные потенциальные доходы от правового бизнеса) включились и новые участники: Сингапур, Гонконг, Турция, ОАЭ. Удержать в своей юрисдикции гражданско-правовые и арбитражные споры своих компаний стремятся все значимые государства. При этом интересы этих государств выходят далеко за пределы финансовой выгоды и имиджевых последствий. Преследуя цели повышения качества деятельности судебных систем, формирования привлекательной и конкурентоспособной юрисдикции, страны не в меньшей степени озабочены сохранением своей правовой идентичности, тех ценностей и принципов, которые они считают фундаментальными для своих обществ. Поэтому сохранение правовой идентичности при развитии

¹ *French C.C.* English Justice for an American Company? // *Texas Law Revue Online*. 2018. Vol. 97. P. 1; *Penn State Law Research Paper No. 9-2018* (<https://ssrn.com/abstract=3198353>).

² *Briggs A.* *Civil Jurisdiction and Judgments*. 7th ed. Abingdon: Routledge, 2021. P. 23.

правовых систем в условиях глобализации и обострения конфликтов — отдельный аспект исследования.

Изучение вопросов конкуренции юрисдикций и обеспечения правовой идентичности позволяет представить основные тенденции развития современного права. Одной из этих тенденций является тесное переплетение частноправового регулирования и публичного права. Это переплетение особенно наглядно в вопросах юрисдикции.

Россия давно возражает против «международного порядка, основанного на правилах» (англ. *rules-based order*) и критически рассматривает принцип экстерриториальности решений судов, к которому прибегают США. Вопросы защиты национальной идентичности в судебной системе ставятся не только в развивающихся странах, но и в странах Европейского союза. В той или иной степени открытости противоречия между национальными юрисдикциями и судебными учреждениями ЕС имеют место во Франции, Италии, Германии. В формат явных конфликтов эти противоречия перешли при обсуждении реформ судебных систем Польши и Венгрии.

Безусловно, защита своей правовой идентичности, интересов государства и экономики — значимый аспект деятельности судебной системы. Также очевидно, что любому государству очень непросто согласиться на то, что иностранный суд, т.е. иностранный орган власти, принимает решение, которое прямо или косвенно затрагивает права и интересы граждан, финансовое положение компаний. И все же основным препятствием на пути взаимодействия и сотрудничества различных юрисдикций выступают не формально-правовые, юридические сложности, а фактор доверия (его наличие или отсутствие) между суверенными государствами.

Сам факт признания решения иностранного суда — это всегда демонстрация доверия: к конкретному суду или арбитражу, к судебной системе этого государства, к его правовой системе, к государству в целом. Одно дело, если этот шаг к взаимному доверию страны делают в рамках двустороннего договора; намного серьезнее, когда демонстрация доверия осуществляется к широкому кругу государств, которые выступают участниками многосторонней конвенции (как это предусматривается Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам (принята 2 июля 2019 г. в рамках 22-й сессии Гаагской конференции по международному частному праву)).

Международное сотрудничество, глобализация, формирование интеграционных объединений не отрицают очевидного факта, что каждое

государство стремится сохранять и развивать собственную правовую систему, обладает особенностями функционирования системы государственного управления (администрации). В то же время обозначенные факторы (глобализация, интеграционные объединения, развитие международной торговли) побуждают страны к сотрудничеству в целях решения возникающих между хозяйствующими субъектами споров, облегчения экономического взаимодействия, устранения барьеров, обусловленных различиями между правовыми и административными системами.

Организационную инфраструктуру, обеспечивающую разработку, обсуждение и принятие международно-правовых актов, направленных на достижение обозначенных целей, образует прежде всего Гагская конференция по международному частному праву (*Hague Conference on Private International Law, HCCH*), а также специализированные форматы различных региональных интеграционных объединений (Европейский союз, СНГ и ЕАЭС на постсоветском пространстве, иные экономические объединения). Перечень задач, поставленных перед отмеченной инфраструктурой, включает в себя определение:

а) принципов и подходов национальных административных органов и судов к информации и доказательствам, полученным ими от иностранных административных и правоохранительных органов;

б) системы коммуникации административных, правоохранительных и судебных органов различных стран по получению и передаче доказательств, имеющихся за пределами государственных границ, и официальных документов;

в) механизмов признания иностранных документов и их передачи иностранным государствам.

Проблематика признания и исполнения решений судебных органов иностранных юрисдикций значима в силу целого комплекса причин, главная из которых очевидна: эти судебные решения затрагивают права и законные интересы физических и юридических лиц, причем нередко жизненно важные интересы. Правовые инструменты признания и исполнения иностранных судебных решений вырабатываются в ходе судебной практики. При принятии решения о подаче иска в иностранный суд истцу надлежит внимательно проанализировать и постараться спрогнозировать развитие событий в случае положительного решения суда: удастся ли добиться приведения судебного решения в исполнение? Стремление ответить на этот вопрос приводит к разработке схем, которые могут быть использованы для обеспечения признания и приведения иностранных судебных решений в исполнение.

Основу для сотрудничества юрисдикций создает вступление в силу 1 сентября 2023 г. Гаагской конвенции о признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам. Подписание Конвенции Россией состоялось 17 ноября 2021 г. Несмотря на то что в сложившейся геополитической обстановке вряд ли следует ожидать ратификации этой Конвенции в кратко- и среднесрочной перспективе, дискуссия о подготовке и условиях ратификации, необходимых для ее использования изменений в законодательстве, последствиях для правоприменительной практики представляется актуальной. Если подход на ратификацию Конвенции сохранится, встанут вопросы о внесении изменений в Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы Российской Федерации. Несомненное воздействие на процессы ратификации Конвенции оказывают режим западных санкций в отношении России и российского бизнеса, утрата взаимного доверия.

Несомненно, следует иметь в виду, что к настоящему времени упомянутую Конвенцию ратифицировали только европейские государства. В этом контексте сохраняется потребность в заключении международно-правовых актов многостороннего и двустороннего характера по данной проблематике. При отсутствии международно-правовых актов либо двусторонних соглашений о правовой помощи существенно осложняются экономическое сотрудничество хозяйствующих субъектов таких стран, разрешение споров между ними. При этом возможно обращение к принципу взаимности применительно к вопросу признания решений иностранных судов в том случае, если между странами отсутствуют договоры о правовой помощи. В настоящем исследовании рассматриваются сложности обращения к принципу взаимности при признании иностранной юрисдикции.

Анализ подходов России, ведущих стран Европейского союза (в частности, решения Кассационного суда Франции по делу *Schlenzka & Langhorne v. Fontaine Pajot S.A.*, Федерального суда ФРГ (*Bundesgerichtshof, BGH*)) позволяет сделать вывод, что происходят существенные изменения во взглядах на признание и исполнение решений иностранных судов. Следует выделить две разнонаправленные тенденции относительно исполнения решений иностранных судов.

Общая тенденция объясняется потребностями в развитии экономического сотрудничества государств, что способствует формированию механизмов исполнения решений иностранных судов, закрепления этих правил и процедур в возрастающем количестве международных соглашений и регулирования в национальных законодательствах. В то

же время государства все активнее используют тезис о несовместимости иностранных решений с национальным законодательством под лозунгом необходимости защиты «публичного порядка». В этих условиях особую актуальность приобретают анализ механизмов, посредством которых различные юрисдикции взаимодействуют друг с другом, изучение правил подобного взаимодействия и выделение причин, при которых одна юрисдикция получает преимущество перед другой. В частности, важно исследовать действие норм различных государств в условиях глобальных изменений (*Brexit* и последовавшая за этим неопределенность в действии Луганской конвенции в отношении Великобритании; выход России из Совета Европы и обусловленные этим фактором вопросы правоприменения; сложности системы экономического взаимодействия ЕС и США; геополитические осложнения между западными странами, с одной стороны, и государствами, не относящимися к ним, прежде все Россией и Китаем, — с другой).

Преодолеть возникающие между юрисдикциями противоречия призваны не только международные многосторонние и двусторонние договоры, но и механизм «диалога судей». Диалог нужен не только судьям, работающим в разных государствах или в разных правовых системах. Механизмы «диалога судей» все активнее используются при разрешении различных толкований права и в рамках одной национальной правовой системы, это необходимо при противоречиях между различными судебными ветвями в рамках одного правопорядка. Особенно востребованы эти механизмы в странах, в которых существуют различные, не находящиеся между собой в иерархичном подчинении виды органов, осуществляющих функции правосудия. Механизмы «диалога судей» (применительно к данному исследованию участвующих в гражданском и арбитражном разрешении споров) перспективны в формирующихся системах взаимодействия судебных систем стран постсоветского пространства, прежде всего в рамках ЕАЭС.

Практическая перспектива настоящего исследования состоит также в том, что актуальные политические процессы, рост политического и экономического влияния развивающихся государств, выразившийся, в частности, в усилении и расширении БРИКС, ряд экономических тенденций (переход в торговле на национальные валюты, перспективы юаня как резервной валюты) предоставляют новые возможности для соответствующего усиления юрисдикций этих стран. С большой долей очевидности следует предположить как объективный рост популярности рассмотрения споров между этими странами в национальных юрисдикциях, так и политические импульсы, ограничивающие воз-

возможности вынесения споров за пределы этих юрисдикций. В данном контексте следует особое внимание обратить на практику и разъяснения Верховного Суда РФ.

Не менее очевидно, что как в условиях предпринятых против России санкций, так и по мере их преодоления актуализируются задачи разрешения споров и вопросов, которые неминуемо возникают в ходе сотрудничества экономических субъектов и граждан. Эта тематика актуализирует вопрос сочетаемости судебных решений судов России и других стран, взаимодействия российской и иностранной юрисдикций.

Поэтому в настоящем исследовании рассматриваются:

а) проблемы взаимодействия судебных систем различных государств (в рамках коллизий, разрешаемых способами международного частного права) и вопросы взаимодействия национальных органов правосудия и судебных органов интеграционных объединений (Европейский союз, Евразийский экономический союз);

б) задачи по сохранению национальной правовой идентичности;

в) механизмы «диалога судей» в деятельности судебных органов.

ГЛАВА 1

Юрисдикция: понятие, виды и основные характеристики

Понимание национальной юрисдикции и анализ мер по обеспечению ее привлекательности — ключевые аспекты настоящего исследования. Предстоит ответить на вопросы: как обеспечить привлекательность национальной юрисдикции? Какие инструменты и механизмы разработаны и применяются в различных зарубежных странах? Как они могут быть применены в российской правовой системе и российской практике функционирования судебной системы? Какие существуют средства разрешения коллизий между юрисдикциями и как обеспечить единство правоприменительной практики и независимость суда?

§ 1. Понятие национальной юрисдикции

Понятие юрисдикции чрезвычайно сложное, обладающее различными толкованиями. Оно не имеет одного четкого определения, используется в различных отраслях права в разных значениях и сопровождается разными характеристиками:

- 1) юрисдикция — государственно-властная деятельность соответствующих органов;
- 2) юрисдикция — совокупность полномочий по осуществлению деятельности, направленной на разрешение споров;
- 3) юрисдикция — сфера общественных отношений либо круг вопросов, относящихся к предмету ведения соответствующего органа.

Каждая из ипостасей, в которых предстает юрисдикция, — предмет активных научных дискуссий с существенными последствиями для правоприменительной практики.

Юридическая теория призвана сформировать понятийный каркас позитивного права. Фундаментальная роль в этом каркасе категории «юрисдикция» становится понятной при буквальном переводе составных частей этого термина: право говорить («дикция») и сила закона («юрис»). По мнению испанского юриста М.Х. Гарсиа Гарридо, суть понятия юрисдикции выводится из *«трех священных слов: «tria verba solemnita: do, dico, addico», где: — «do» (dare) означает назначение судьбы или арбитра, выбранного спорящими сторонами или магистратом, полномочие предоставить тот или иной иск или отклонить его; — «dico» (jus dicere) подразумевает все заявления магистрата, относящиеся к праву,*

которое следует применить в данном процессе; — «addico» (addicere) подразумевает акты, которые трактуют право в пользу одной из сторон процесса»¹.

Юридическое образование прививает нормы и ценности, которые часто неясны или совершенно непрозрачны для непрофессионалов права. Среди таких ценностей безусловное, не нуждающееся в объяснении понимание значения юрисдикции и следования ее правилам. Если кратко: для юриста не нуждается в пояснении, что любое в высшей степени справедливое, правильное, взвешенное решение ничтожно, если нарушены правила юрисдикции. Все высокие материи уступают формальным нормам, заключенным в этом понятии.

Итак, любое решение (вне зависимости от того, о каком органе идет речь — суде и квазисудебных органах, органах власти или иных учреждениях), принятое за пределами юрисдикции, является юридически ничтожным. Все профессиональные юристы признают возможность полного игнорирования любого действия и любого решения без юрисдикции. Этот способ идеологической обработки сознания юристов представляется весьма эффективным, поскольку вызовы доктрине предметной юрисдикции встречаются довольно редко. Как и во многих формальных доктринах, юрист, основываясь на основополагающем значении юрисдикции, отвергает любые возражения, в том числе и основанные на здравом смысле и экономической целесообразности.

Как и полагается для общественных наук, родословная всех понятий восходит к древнегреческим авторам. В подтверждение этого применительно к понятию юрисдикции достаточно привести цитату из «Политики» Аристотеля: *«Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения»²* — и отметить вклад пифагорейцев с их осмыслением таких понятий, как «право», «справедливость», «судопроизводство», «правосудие». Юрисдикция как власть верховного правителя и как процесс достижения справедливости — таковы исторически первичные компоненты содержания понятия юрисдикции. Четко эта мысль отражена в *«Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Anglie»* Генри Брактона (не позднее

¹ Гарсия Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / пер. с исп.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. С. 159. Цит. по: Международное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2010.

² Аристотель. Политика / Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 380.

1256 г.): «Все же, что относится к юрисдикции и (соблюдению) мира, никому не принадлежит, кроме короны и королевского достоинства, и не может быть отделено от короны, так как это составляет самую (сущность) короны (королевской власти)»¹.

Применительно к юрисдикции как характеристике качества государства и права обобщающим понятием выступает «национальная юрисдикция». Национальная юрисдикция в традиционном правовом контексте осмысливается как значимая составная часть правовой системы, складывающегося в границах конкретного государства или содружества государств правопорядка.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались принятием целого ряда универсальных и региональных международных конвенций, регламентирующих вопросы юрисдикции не только в рамках международного публичного и международного частного (коллизийного) права, но и в сфере гражданского национального права. В них урегулированы процедуры исполнения решений, вынесенных иностранными судами, определены предметы юрисдикции судов, основания для признания и приведения в исполнение решений иностранных судов, отказа в выдаче экзекватуры (исполнение судебного решения, вынесенного судебным органом другого государства). При столкновении с иностранным элементом суду, обладающему юрисдикцией выносить решения по конкретному спору, необходимо осуществить многоступенчатый процесс выбора юрисдикции.

Следует отметить, что юрисдикционная деятельность не сводится только к работе судебных и квазисудебных органов. Юрисдикционную деятельность осуществляют также органы государственной власти других (кроме судебной) ветвей, прежде всего органы исполнительной власти, законодательно наделенные соответствующими полномочиями. Достаточно привести в пример органы исполнительной власти, осуществляющие правоприменительную деятельность: таможенные, налоговые, органы контроля и надзора, антимонопольные структуры и целый ряд других. Деятельность этих органов непосредственно влияет на национальную юрисдикцию, ее качество и состояние. Таким образом, следует выделять:

а) юрисдикционную деятельность публично-правового характера (деятельность органов государственной власти (судебных и исполни-

¹ Бракот Г. Трактат «О законах и обычаях Англии» (§ 1 гл. XXIV кн. II т. I) // https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/Bracton/De_legibus/text.phtml?id=4793&ysclid=ldruwx98r33972565.

тельных), а также ряд направлений деятельности органов местного самоуправления);

б) юрисдикционную деятельность институтов, формируемых не публичной властью, а посредством частноправовых инструментов: это третейские суды, в различных странах функционируют различные виды иных квазисудебных органов (например, в сфере трудового права, антимонопольного законодательства, регулирования рынка ценных бумаг);

в) деятельность институтов, сопровождающих осуществление национальной юрисдикции (например, функционирование системы нотариата, системы разрешения споров в рамках саморегулируемых организаций (СРО) и т.п.).

Таким образом, юрисдикционная деятельность представляет собой сложное переплетение позиций, интересов, возможностей различных субъектов (органов государственной власти, компаний, граждан и иностранцев — всех, кто потенциально может стать участником судебных процессов).

Исторически раскрытие содержания юрисдикции выводилось из территориального измерения суверенитета при разработке разрешительных и запретительных правил: юрисдикционная деятельность суверена, совершенная на «его» территории, — единственно легитимная (в силу божественного происхождения его власти), в то время как решения этого же государя в отношении предметов, вопросов и действий, находящихся за пределами «его» территории¹, являются незаконными, так как на этой территории на данные предметы, вопросы и действия распространяется юрисдикционная власть другого суверена.

И в современном публичном праве концепция юрисдикции тесно связана с понятием суверенитета. Юрисдикция позволяет государствам осуществлять суверенную власть, которой они наделены в глобальной системе формально равных государств, путем установления того, что закон касается лиц или видов деятельности, в которых они имеют законный интерес. Суверенитет, однако, не только является наиболее удобной теорией, определяющей принципы осуществления юрисдикции, но и представляет собой главное сдерживающее средство в отношении иностранных норм и иностранных судебных решений, а также в отношении применения норм международного

¹ Подобное понимание также выводилось из объектной теории государственной территории, которая считалась объектом права собственности монарха. Следовательно, монарх как собственник государственной территории вправе был ею свободно распоряжаться: дарить, продавать, отдавать «полцарства за коня» или за «молодильные яблоки».